

Citation:

Стойкова, Т. А. (2019). Авторское этимологизирование в идиостиле Марины Цветаевой (стихотворения *Раковина*, *Минута*, *Расщелина*). *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*, 54. <https://doi.org/10.11649/sfps.1741>

Stoikova, T. A. (2019). Avtorskoe ètimologizirovanie v idiostile Mariny TSvetaevoi (stikhotvoreniia *Rakovina*, *Minuta*, *Rasshcheli*). *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*, 54. <https://doi.org/10.11649/sfps.1741>

Татьяна А. Стойкова
(Вентспилсская высшая школа)

Авторское этимологизирование в идиостиле Марины Цветаевой (стихотворения *Раковина*, *Минута*, *Расщелина*)

Художественное моделирование мира допускает и подразумевает разные способы экспериментирования над языком. Одним из таких способов является авторское этимологизирование. Под авторским этимологизированием понимается прояснение мотивированности слова в эстетической системе поэтического языка, идиостиля, художественного текста. Объектом нашего анализа с этой точки зрения стали тексты стихотворений Марины Цветаевой, написанных весной-летом 1923 года. Первый год жизни М. Цветаевой в Чехии – 1923-й – биографы и исследователи считают ее «творческим ренессансом» (Кудрова, 1987), когда были созданы многие лирические шедевры, в числе которых *Раковина*, *Минута*, *Расщелина*. В этих, как и других произведениях, открывается способность М. Цветаевой к этимологизированию. Повышенный интерес М. Цветаевой к внутренней форме слова, к его этимологии не раз отмечался исследователями ее творчества: она «любит „вгрызаться“ в слово, „вылуцивать“ его ядро, „доискиваться“ до корня» (Черкасова, 1982, с. 53); «она – не только интуитивно лингвист, но и интуитивно историк языка» (Зубова, 1989, с. 4);

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 3.0 PL License (creativecommons.org/licenses/by/3.0/pl/), which permits redistribution, commercial and non-commercial, provided that the article is properly cited. © The Author(s) 2019.

Publisher: Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences
[Wydawca: Instytut Sławistyki Polskiej Akademii Nauk]

«языковое чутье» Цветаевой «настолько глубоко, что вполне естественны в ее произведениях многочисленные факты [...] своеобразного этимологического анализа, выполняемого непосредственно в стихотворной строке или строфе» (Зубова, 1989, с. 31). О своей филологической одаренности свидетельствует в дневниках и сама М. Цветаева: «я, конечно, по природе своей – выдающийся филолог» (цит. по: Белкина, 1988, с. 206).

Авторское этимологизирование как художественный прием опирается, в первую очередь, на использование поэтом: 1) этимологически родственных, но деэтимологизированных слов – таким образом, что в поэтическом контексте вскрывается их родство и восстанавливается утраченная внутренняя форма; 2) поэтической этимологии – намеренного переосмысления слова, в котором «реализуется тенденция к вторичной мотивированности деэтимологизированной лексики» (Зубова, 1989, сс. 42–43), в результате чего происходит надделение слова «новой» внутренней формой в авторской эстетической системе. Очень часто обновление семантики, вторичная мотивированность слова осуществляется на основе паронимической аттракции – контекстуального смыслового сближения неродственных, но фонетически сходных слов. Подобные факты поэтической этимологии, когда этимология слова «ориентирована не на код языкознания, а на код поэтической речи и индивидуальных ассоциаций», В. Н. Топоров называет «окказиональными случаями этимологизирования», указывая на полезность их исследования, как проявления «синхронического подхода к этимологии», который «сделает более объемным и содержательным понимание этимологии» (Топоров, 2004, сс. 30–31)¹.

Языковое чутье, лингвистический интерес М. Цветаевой к слову выразились в многочисленных примерах как этимологической регенерации, так и поэтической этимологии, нередко основанной на паронимазии. Исследователи языка и стиля М. Цветаевой указывают на значимость этимологизирования в ее эстетической системе (Дударева, 2002; Зубова, 1989; Пушкарева, 1999; Ревзина, 1995 и др.) – таким образом, авторское этимологизирование может рассматриваться как стилеобразующий фактор идиолекта М. Цветаевой, отражающий художественное мировидение поэта-философа, исследующего и преобразующего язык, а следовательно, и отображенную в нем картину мира.

¹ В. Н. Топоров иллюстрирует свою мысль, ссылаясь на стихотворение М. Цветаевой *Минута*.

Авторское этимологизирование связано с реализацией эстетической функции языка, и наша задача – провести анализ этимологизирования, вскрыть его функцию в развитии художественной идеи, заложенной в произведении. Как правило, в фокусе этимологизирования оказываются слова, ключевые в семантической композиции текста, эстетически значимые с точки зрения авторского замысла.

Л. В. Зубова, известный исследователь языка М. Цветаевой, приводит группы этимологически родственных слов, извлеченных из лирических текстов поэта; вот наиболее яркие ряды слов, этимологическое родство которых, действительно, неоспоримо: *душа – дыхание – одышка – вдохновение – вздох – задушить; гореть – горе – горячий – горечь – жаркий; узы – союз – узел – связь; звякать – звенеть; хулить – хвалить; гробовой – сугроб; страна – просторный; судорога – содрогание; бить – бич; раскрыть – крыло; ржа – рыжий; выверотить – вернуть – веретено; плащ – плат; палочка – пальчик; повесть – совесть; заочность – око; лук – разлука; вдоль – продольный – ладонь; начало, начинать – конец, кончать; пробел – белый – бельмо; будни – непробудный; беспутный – путаться; крыть – кров; ветер – веять* (Зубова, 1989, с. 31)².

Проведенный нами анализ открывает новые этимологически соотносимые пары и ряды слов в идиолекте М. Цветаевой и показывает, как происходит авторское осмысление и переосмысление слова в результате этимологизирования при реализации определенной эстетической задачи в конкретном художественном тексте. Рассмотрим с этой точки зрения стихотворение *Раковина*, датированное 31 июля 1923 г. (стихотворение приводится не полностью).

(1) <i>Из лепрозария лжи и зла</i>
<i>Я тебя вызвала и взяла</i>	<...>
(2) <i>В зори! Из мертвого сна надгробий –</i>
<i>В руки, вот в эти ладони, в обе,</i>	(8) <i>Спи! Застылая моря и земли,</i>
<i>Раковиною тебя объемлю:</i>
(3) <i>Раковинные – расти, будь тих:</i>
<i>Жемчугом станешь в ладонях сих!</i>	(9) <i>Справа и слева и лбом и дном –</i>
<i>Раковинный колыбельный дом,</i>

² Полный список см. там же, однако этимологическое родство некоторых пар слов, приведенных в исследовании Л. Зубовой, не подтверждается данными этимологических словарей.

(10) <i>Дням не уступит тебя душа!
Каждую муку туша, глуша,</i>	(13) – <i>Выйдешь! – По первому слову: будь!
Выстрадавшая раздастся грудь</i>
(11) <i>Сглаживая... Как ладонью свежей,
Скрытые громы студя и нежа,</i>	(14) Раковинная. – <i>О, настезь створи!
Матери каждая пытка впору,</i>
(12) <i>Нежа и множа... О, чай! О, зрей!
Жемчугом выйдешь из бездны сей.</i>	(15) <i>В меру... Лишь бы ты, расторгнув плен,
Целое море хлебнул взамен!</i>

(Цветаева, 1988, сс. 236–237).

В лирическом тексте сопрягаются художественные слова *раковина* – *надгробье* – *жемчуг* – *мать*, ключевые в развитии поэтической антитезы «смерть / небытие – рождение / жизнь». Эта антитеза организует семантическую композицию текста стихотворения. Вынесенное в сильную позицию текста – в заглавие – слово *раковина*, в современном языке утратившее этимологические признаки, соотносится с обеими частями антитезы – и с идеей смерти, и с идеей жизни, вбирая в свою художественную семантику обе темы. Постичь глубину художественного замысла в образном содержании лирического произведения позволяет обращение к этимологическому анализу, который «предлагается» автором. Тема смерти и небытия эксплицируется в первых поэтических строках словами *надгробия*, *мертвый* в составе метафоры *мертвый сон надгробий*. Соположение в художественном контексте слов *надгробия* и *раковина* пробуждает глубинную историческую память последнего. Конечно, этимологически родственными слова *надгробия* и *раковина* считаться не могут, но они могут рассматриваться как семантически соотносимые на определенном историческом этапе развития значений их корней, обозначавших смежные понятия. *Надгробие* – дериват от слова *гроб*; *гроб*, в свою очередь, отглагольный дериват, восходящий к псл. глаголу **grebti*; ср. рефлексы: ст.-слав. *грети*, *гребж* ‘грести’; болг. *гребá* ‘рыть, копать’; словц. *hriebsť* ‘копать, рыть (ногами)’, чеш. *hřebsti*, *hřesti* ‘хоронить’, польск. *grześć* ‘хоронить, погребать’ (ЭССЯ, 1974–2018, т. 7, сс. 109–110). В современном языке слово *гроб* означает ‘ящик, в котором погребается умерший’; ‘могила, гробница (поэт.)’ (ТСУ, 1935–1940, т. 1, с. 624). В свою очередь, др.-рус. *раковина* ‘перламутр’ восходит к псл. **raku* ‘оболочка’: ср. сербохорв. *ра̀ка* ‘могильный склеп’, словен. *rákav* ‘гроб, склеп’, чеш. *rakev* ‘гроб’, словц. *rakva* ‘гроб’, которые через др.-герм. **arkō*, гот. *arka* восходят к лат. *arka* ‘ящик’. Ср. также

ст.-слав. *рака* и др.-рус. *рака* 'гроб с мощами', то же болг. *рака* 'ларец с мощами', словен. *rāka* 'склеп' и *rākav* 'гроб, склеп' (ЭСРЯ, 1986–1987, т. 3, сс. 437, 439; ESJĀ, 1971, с. 507); др.-рус. *рака* – 'гроб, гробница'; 'надгробный памятник' (СДРЯ, 1893–1912, т. 3, сс. 63–64). Таким образом, корень *-гроб-* в слове *надгробия* указывает на историческую семантику и утраченные этимологические признаки корня в слове *раковина*, тем самым обновляя «забытую», потерянную в веках внутреннюю форму корня и связывая в авторском контексте художественное слово *раковина* с идеей смерти.

В современном русском языке *раковина* означает «род наружного скелета различных беспозвоночных животных (у моллюсков, напр., в виде овальной, витой или створчатой коробки), обычно состоящего из наружного рогового слоя и внутреннего – перламутрового» (ТСУ, 1935–1940, т. 3, с. 1211). По данным *Историко-этимологического словаря* П. Черных, русское *раковина* известно с 16 века и только в значении 'перламутр' (ИЭССРЯ, 2001, т. 2, с. 98): *перламутр* – «ценное вещество с переливчатой окраской, образующее внутренний слой жемчужницы и некоторых других раковин, употр. для мелких поделок и украшений» (ТСУ, 1935–1940, т. 3, с. 232), где *жемчужница* – «моллюск тропических морей, в раковине которого образуется лучший жемчуг» (ТСУ, 1935–1940, т. 1, с. 856). В русском языке слово *перламутр* появляется лишь в первой четверти 19 века как заимствование из нем. *Perlmutter* (ср. нем. *Perle* 'жемчужина', *Mutter* 'мать') и, в сущности, является калькой со средневекового лат. *māter perlārum* 'раковина' (то есть 'производительница жемчуга') (ИЭССРЯ, 2001, т. 2, с. 23; ЭСРЯ, 1986–1987, т. 3, с. 242). *Жемчуг* – «драгоценное перламутровое вещество», «образуется на перламутровом слое некоторых раковин» (ТСУ, 1935–1940, т. 1, с. 856). Очевидно, что соположение в художественном контексте со словами *жемчуг*, *мать* позволяет оживить внутреннюю форму слова *раковина*, соотносимую с другим хронологическим периодом развития семантики слова, связывая его значение с идеей жизни и материнства. Образно-смысловая цепочка *раковина* 'перламутр' – *жемчуг* – *мать* развивает художественную идею материнства как высшей ценности (где *жемчуг* – знак и мера этой ценности), дающего начало жизни: *вынашивание / созревание некоего плода и в муках его рождение: раковинный колыбельный дом, выстрадавшая грудь раковинная, жемчугом выйдешь из бездны сей; матери каждая пытка впору, в меру*. Плодом высокой ценности явля-

ются и стихи, рожденные в муках творчества³. Ср. другой ценностный образ стихотворчества у М. Цветаевой: *Стихи растут, как звезды и как розы, как красота – ненужная в семье* (Цветаева, 1988, с. 97).

Выбор ключевого слова-названия *раковина*, обладающего глубокой исторической памятью и характеризующегося семантическими наслоениями как результат развития его значения, безусловно, является интуитивным прозрением поэта, помноженным на лингвистические познания.

Семантическая композиция стихотворения *Минута*, датированного 12 августа 1923 г., тоже построена на принципе антитезы. В данном случае объектом окказионального этимологизирования становится также слово-название: *минута* – заимствованное абстрактное имя, не имеющее в заимствующем – русском – языке внутренней формы.

(1) <i>Минута: минущая: минешь!</i>
Так мимо же, и страсть и друг!
Да будет выброшено ныне ж –
Что завтра б – вырвано из рук!	(5) <i>На перстне... На путях обратных</i>
Кем не измерена тщиета
Твоих Аравий циферблатных
И маятников маята?
(2) <i>Минута: мерящая! Малость</i>
Обмеривающая , слышь:
То никогда не начиналось ,
Что кончилось . Так лги ж, так льсти ж	(6) <i>Минута: мающая! Мнимость</i>
Вскачь – медлящая! В прах и в хлам
Нас мелющая! Ты, что минешь:
Минута: милостыня псам!
(3) <i>Другим, десятиричной кори</i>
Подверженным еще, из дел
Не выросшим. Кто ты, чтоб море
Разменивать? Водораздел	(7) <i>О, как я рвусь тот мир оставить,</i>
Где маятники душу рвут,
Где вечностью моею правит
Разминовение минут.
(4) <i>Души живой? О, мель! О, мелочь!</i>
У славного Царя Щедрот
Славнее царства не имелось
Чем надпись: «И сие пройдет» –	

(Цветаева, 1988, сс. 238–239).

³ Подтверждением значимости для М. Цветаевой художественной идеи *жемчуг* – стихи служат строки из ее письма Борису Пастернаку: «...мне из всего моря нужна одна жемчужина или уже все море без всех жемчугов. Последнее жизнь в стихах. И еще: ловцу (а таков поэт) для того, чтобы „осуществить“ жемчужину, нужно *уйти*, иначе он утопленник. В поход за жемчугом, вот. Пишу как домой, в себя» (цит. по: Айзенштейн, 2017. В цитате сохранена орфография и пунктуация оригинала).

В контексте поэтической антитезы *минута – вечность* создается противоречивый образ авторского времени, субъективно переживаемый лирическим героем: герой принадлежит вечности и бросает вызов историческому времени, в котором живет. Слово *минута* обозначает единицу исторического, линейного, земного времени и в результате вторичной мотивированности наделяется внутренней формой. В орбиту авторского окказионального этимологизирования втягиваются в первую очередь слова с анафорическим консонантным повтором (*м-*): этимологически связанные (*малость – мель – мелочь – мелющая; маятники – мающая – маята*) и связанные ложным родством – паронимической аттракцией (*минута – минующая, минешь – мнимость; мелющая – медлящая*). Для создания индивидуально-авторского речевого образа времени ключевое значение имеет метафора *маятников маята*: М. Цветаева использует устаревшее написание *маята* (вместо *маета*). Слово *маятник* называет часть часового механизма, отсчитывающего время, «качающееся тяжелое тело на стержне, прикрепленном верхним концом к неподвижной точке» (ТСУ, 1935–1940, т. 2, с. 166); *маета* обозначает «изнуряющую, длительную работу; надоедливое, хлопотливое занятие» (ТСУ, 1935–1940, т. 2, с. 115). В *Историко-этимологическом словаре современного русского языка* слова *маятник* и *маета* (устар. *маята*) рассматриваются как этимологически родственные, производные от одного глагола *маять* ‘утомлять’, ‘изнурять’, ‘приводить в изнеможение’, ‘мучить’, в старшем значении ‘махать’, ‘качать’ (восходящего к псл. **majati* и к и.-е. корню **mā*) (ИЭССРЯ, 2001, т. 1, с. 518). По другой версии, а именно версии М. Фасмера, слова *маятник* и *маета* восходят к этимологическим омонимам:

- 1) *маета* ‘мучение’ происходит от *маять I* ‘утомлять, изнурять’, ‘трудиться, стараться’;
- 2) *маятник*, как и *маяк*, происходит от *маять II* ‘махать’; ср. некоторые славянские и индоевропейские соответствия: укр. *маяти* ‘двигать туда-сюда, махать’, словен. *májati* ‘двигать туда-сюда’, польск. *majak* ‘мираж’, болг. *замая*, *омая* ‘чарую, одурманиваю’, родственно санскрит. *māuā* ‘превращение, видение, обман, иллюзия’ (ЭСРЯ, 1986–1987, т. 2, с. 587).

Интересно, что *Этимологический словарь славянских языков* допускает как вероятные обе версии, но при этом указывает, что более традиционным является выделение омонимов – *majati I* с основным значением ‘махать, делать знаки’ и *majati II* ‘стараться, трудиться, медлить’. Вместе с тем утверждается мысль, что «на слав.<янской> почве не столь очевидна семантическая противо-

поставленность» рассматриваемых глаголов и вполне правомерно исключить омонимию и предположить этимологическое тождество *majati I* и *majati II*. Преодоление омонимии возможно путем семантического сближения и расширения гнезда *majati I* по следующим направлениям:

- 1) 'махать, делать знаки' > 'кивать, качать' > 'виднеться', 'мерещиться, казаться';
- 2) 'махать, делать знаки' > 'привлекать, манить' > 'делать обманные движения' > 'обманывать';
- 3) в некоторых славянских диалектах: 'махать, делать знаки' > 'качаться, колебаться, двигаться туда-сюда' > 'медлить, терять время' > 'томиться, мучиться' (ЭССЯ, 1974–2018, т. 17, сс. 133–134).

Итак, слова, образующие метафору *маятников маята*, можем рассматривать как этимологически родственные (во всяком случае – соотносимые). При взаимодействии в художественном контексте оживает их историческая память, «просыпаются» и актуализируются этимологические признаки – 'обман, неистинность, кажимость, иллюзорность', которые дополняют авторский образ линейного исторического времени. Обобщенно-образное значение метафоры очень приблизительно (в силу диффузности, «размытости» метафоричной семантики) можно определить так: 'размеренный непрерывный отсчет минут, мгновений жизни, утомляющих иллюзиями, обманами, неистинностью, кажимостью, иллюзорностью'. Эта характеристика исторического времени поддерживается значениями других слов, связанных в контексте со словом *минута* – *обмеривающая, лги, льсти, мнимость*. Подобный образ линейного исторического времени отвергается лирическим героем (ср. также метафоры *минута* – *милостыня псам, маятники душу рвут* и т.д.), устойчиво повторяясь в других лирических произведениях; ср., например, смысловые переключки в стихотворении «Хвала времени» (10 мая 1923 г.): «Время, ты меня **обманешь!**»; «Время, ты меня **обмеришь!**»; «Время! Я тебя **миную**» (Цветаева, 1988, с. 226).

Правомерно заключить, что значение метафоры развивается не столько на основе субъективных ассоциаций поэта, сколько на основе пробужденных этимологических признаков слов, входящих в состав метафоры. Великая интуиция поэта проявляется в выборе живописующих время слов-образов, глубинная историческая память которых хранит необходимые характеризующие признаки.

В стихотворении *Расщелина* (17 июня 1923 г.), как и в рассмотренных выше лирических произведениях М. Цветаевой, этимологизируется слово, вынесенное в название:

(1) <i>Чем окончился этот случай –
Не узнать ни любви, ни дружбе.
С каждым днем отвечаешь глуше,
С каждым днем пропадаешь глубже.</i>	(4) <i>Спишь, – тесна ледяная прорезь!
Льды к своим мертвецам ревнивы:
Перстень – панцирь – печать – и пояс...
Без возврата и без отзыва.</i>
(2) <i>Так, ничем уже не волнуем, –
Только дерево ветви зыблет, –
Как в расщелину ледяную –
В грудь, что так о тебя расшиблась!</i>	(5) <i>Зря Елену клянете, вдовы!
Не Елениной красной Трои
Огнь! Расщелины ледниковой
Синь, на дне опочиешь койей...</i>
(3) <i>Из сокровищницы подобий
Вот тебе – наугад – гаданье:
Ты во мне, как в хрустальном гробе
Спишь, – во мне, как в глубокой ране</i>	(6) <i>Сочетавшись с тобой, как Этна
С Эмпедоклом... Усни, сновидец!
А домашним скажи, что тщетно:
Грудь своих мертвецов не выдаст.</i>

(Цветаева, 1988, с. 228).

Содержание стихотворения составляет болезненное, убивающее душу завершение неких близких отношений в проекции на внутренний план переживаний лирического героя / героини. Ключевые в развитии этой темы слова-образы *расщелина* (*ледяная, ледниковая*), *рана* (*глубокая*), *прорезь* (*ледяная*) семантически сближены и в данном художественном тексте являются контекстуальными синонимами. Анализ показывает, что данная синонимия мотивирована не столько субъективными ассоциациями поэта, сколько объективно – историей возникновения и развития значений слов. В отличие от представленных выше художественных текстов, в этом случае этимологический анализ в поэтической строфе базируется на реконструкции языковых соответствий как праславянского уровня, так и более раннего, праиндоевропейского.

Рус. *расщелина*, дериват от слова *щель*, имеет значение «глубокая щель, трещина в дереве» (ТСУ, 1935–1940, т. 3, с. 1295), восходит, как и *щель* к и.-е. корню **skel-* ‘резать’, ‘рассекать’ (ср. лит. *skėlti* ‘раскалывать’, лтш. *škelti* ‘колоть’, совр. исл. *skilja* ‘разделять’, ‘разлучать’; хетт. *iškallāi-* ‘ломать, разрывать’ и др. соответствия) (ИЭССРЯ, 2001, т. 2, сс. 432–433; ЭСРЯ, 1986–1987, т. 4, с. 501). Рус. *прорезь* «отверстие, желобок, проде-

ланные насквозь» (ТСУ, 1935–1940, т. 3, с. 990) производное от глагола *резать*: др.-рус. *ръзати*, ст.-слав. *ръзати* восходят к и.-е. корню **ur̥gʰ* – ‘рвать’, ‘ломать’ (ИЭССРЯ, 2001, т. 2, с. 107; SEJP, 2005, с. 534). Слово *рана* в современном русском языке означает «повреждение (колотое, пробитое, порезанное и т.д.) в наружных или внутренних покровах тела» (прямое значение) и «душевную боль, мучение» (переносное значение) (ТСУ, 1935–1940, т. 3, сс. 1212–1213); в тексте актуализируются оба значения – и прямое, и переносное. По данным этимологического словаря П. Черных, др.-рус. (с XI в.) и ст.-слав. *рана* – ‘наказание’, ‘кара’, ‘гонение’, ‘болезнь’, ‘удар’, ‘рана’ – восходят к псл. **rana*. П. Черных, признавая, что «этимология этого слова спорная», полагает верным связывать псл. **rana* с санскрит. *vraṇá* с тем же значением и возводит оба слова к и.-е. **ur̥ōnā* (корень **ur̥*: **ure* – ‘разрывать’, ‘царапать’) (ИЭССРЯ, 2001, т. 2, сс. 98–99; то же SEJP, 2005, с. 510). Данный и.-е. корень дает разные семантические рефлексы в разных исторических диалектах: санскритское слово *vraṇás*, кроме значения ‘рана’, имеет также значение ‘щель, трещина’ (ЭСРЯ, 1986–1987, т. 3, с. 441), которое развилось, по-видимому, как результат действия глаголов со значением ‘разрывать’, ‘царапать’. Понятие, обозначаемое рус. *прорезь*, развилось как результат действия глаголов со значением ‘резать’, ‘рвать’. Рус. *щель* появилось как результат действия глаголов со значением ‘резать’, ‘рассекать’. Этимологизирование доказывает, что развитие близких, смежных понятий, выражаемых значениями слов *щель*, *прорезь*, *рана*, произошло на основе сходных действий. Таким образом, корреляция данных контекстуальных синонимов осуществляется по этимолого-синонимическому принципу (о действии принципа см. подробнее: Кошкин, 2008, сс. 25–26). Смежность, близость коррелируемых понятий вскрывает глубокая этимологическая реконструкция значений слов.

Интересно, что санскрит. *vraṇás* родственны албан. *varrë* ‘рана’, *vras* ‘убиваю’, *vrásijë* ‘убийство’ (ЭСРЯ, 1986–1987, т. 3, с. 441); логическая связь понятия *рана* и конкретного действия *убивать*, *убийство* очевидна: рана может стать причиной смерти, квалифицируемой как убийство. Логико-концептуальная связь понятий подтверждается этимологическим анализом. В поэтическом тексте на образно-метафорической основе развивается художественная идея смертельной раны – убийства любви / смерти (*грудь расшиблась – глубокая рана – (хрустальный) гроб – мертвецы*).

Нам трудно судить, насколько глубоки были лингвистические познания и изыскания Марины Цветаевой, в какой мере осознанно она осуществляла этимологический анализ, подбирая ключевые для семантической композиции своих произведений слова-образы. Но общеизвестно, что процесс рождения стихов – это таинство, подразумевающее особое состояние поэта, в котором могут проявляться необыкновенные способности погружения в субстанцию языка. Анализ авторского этимологизирования в лирических произведениях Марины Цветаевой открывает именно такие способности: на фоне исключительной лингвистической одаренности поэта обнаруживается глубочайшее чувство-знание языка, абсолютное мистическое проникновение в его сущность, в высокой степени интуитивное постижение исторических процессов развития языка и его семантики. Этимологический анализ в поэтической строфе М. Цветаевой, в свою очередь, оказывается способом исследования ее эстетической системы и художественного мировидения.

Сокращения

албан.	– албанский
болг.	– болгарский
гот.	– готский
др.	– другие
др.-герм.	– древнегерманский
др.-рус.	– древнерусский
и.-е.	– индоевропейский
ИЭССРЯ	– <i>Историко-этимологический словарь современного русского языка</i> (Черных, 2001)
лат.	– латинский
лит.	– литовский
лтш.	– латышский
нем.	– немецкий
польск.	– польский
поэт.	– поэтическое
псл.	– праславянский
санскрит.	– санскритский

- СДРЯ – *Материалы для словаря древнерусского языка* (Срезневский, 1893–1912)
сербохорв. – сербохорватский
слвц. – словацкий
словен. – словенский
совр. исл. – современный исландский
ср. – сравни
ст.-слав. – старославянский
ТСУ – *Толковый словарь русского языка* (Ушаков, 1935–1940)
укр. – украинский
хетт. – хеттский
чеш. – чешский
ЭСРЯ – *Этимологический словарь русского языка* (Фасмер, 1986–1987)
ЭССЯ – *Этимологический словарь славянских языков* (Трубачев, Журавлев, & Варбот, 1974–2018)
- ESJČ – *Etymologický slovník jazyka českého* (Machek, 1971)
SEJP – *Słownik etymologiczny języka polskiego* (Boryś, 2005)

Библиография

- Айзенштейн, Е. О. (2017). *Неизвестное о Марине Цветаевой*. Retrieved April 20, 2019, from https://bookz.ru/authors/elena-aizenbtein/neizvest_103/1-neizvest_103.html
- Белкина, М. И. (1988). *Скращение судеб*. Москва: Книга.
- Дударева, А. А. (2002). *Особенности идиостиля прозы Марины Цветаевой* (Автореф. ... канд. филол. наук). Тверской государственный университет, Тверь.
- Зубова, Л. В. (1989). *Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект*. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та.
- Кошкин, И. С. (2008). *Русско-германские языковые контакты в грамотах Северо-Запада Руси XII–XIV вв.* Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та.
- Кудрова, И. (1987). Дом на горе: Марина Цветаева, 1923 год. *Звезда*, 1987(8), 1–6. Retrieved May 20, 2016, from <http://www.tsvetava.narod.ru/WIN/kudrova/domnagore.html>
- Пушкарева, И. А. (1999). *Смысловые лексические парадигмы в лирике М. И. Цветаевой* (Автореф. ... канд. филол. наук). Томский государственный педагогический университет, Томск.
- Ревзина, О. Г. (1995). Марина Цветаева. In В. П. Григорьев & Е. В. Красильникова (Eds.), *Очерки истории русской поэзии XX века: Опыт описания идиостилей* (pp. 305–362). Москва: Наследие.

- Срезневский, И. И. (1893–1912). *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам* [СДРЯ] (Vols. 1–3). Санктпетербург: Типография Императорской Академии Наук.
- Топоров, В. Н. (2004). *Исследования по этимологии и семантике: Vol. 1. Теория и некоторые частные ее приложения*. Москва: Языки славянских культур.
- Ушаков, Д. Н. (Ed.). (1935–1940). *Толковый словарь русского языка* [ТСУ] (Vols. 1–4). Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
- Фасмер, М. (1986–1987). *Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.* [ЭСРЯ] (О. Н. Трубачев, Trans.) (2nd ed., reprinted, Vols. 1–4). Москва: Прогресс.
- Цветаева, М. (1988). *Сочинения: В двух томах* (Vol. 1). Москва: Художественная литература.
- Черкасова, Л. П. (1982). «Яркость изнутри»: О внутренней форме слова в прозе М. Цветаевой. *Русская речь*, 1982(5), 52–55.
- Черных, П. Я. (2001). *Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т.* [ИЭССРЯ] (4th ed., reprinted, Vols. 1–2). Москва: Русский язык.
- Трубачев, О. Н., Журавлев, А. Ф., & Варбот, Ж. Ж. (Ed.). (1974–2018). *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд* [ЭССЯ] (Vols. 1–41). Москва: Наука.
- Boryś, W. (2005). *Słownik etymologiczny języka polskiego* [SEJP]. Kraków: Wydawnictwo Literackie.
- Machek, V. (1971). *Etymologický slovník jazyka českého* [ESJČ]. Praha: Academia.

Bibliography (Transliteration)

- Aizenshtein, E. O. (2017). *Neizvestnoe o Marine TSvetaevoi*. Retrieved April 20, 2019, from https://bookz.ru/authors/elena-aizen6tein/neizvest_103/1-neizvest_103.html
- Belkina, M. I. (1988). *Skreshchenie sudeb*. Moskva: Kniga.
- Boryś, W. (2005). *Słownik etymologiczny języka polskiego* [SEJP]. Kraków: Wydawnictwo Literackie.
- Cherkasova, L. P. (1982). “IArkost' iznutri”: O vnutrennei forme slova v proze M. TSvetaevoi. *Russkaia rech'*, 1982(5), 52–55.
- Chernykh, P. I. (2001). *Istoriko-ëtimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo iazyka: V 2-kh t.* [IËSSRIA] (4th ed., reprinted, Vols. 1–2). Moskva: Russkii iazyk.
- Dudareva, A. A. (2002). *Osobennosti idiosilia prozy Mariny TSvetaevoi* (Summary of doctoral dissertation). Tverskoï gosudarstvennyï universitet, Tver'.
- Fasmer, M. (1986–1987). *Ëtimologicheskii slovar' russkogo iazyka: V 4-kh t.* [ËSRJA] (O. N. Trubachev, Trans.) (2nd ed., reprinted, Vols. 1–4). Moskva: Progress.
- Koshkin, I. S. (2008). *Russko-germanskie iazykovye kontakty v gramotakh Severo-Zapada Rusi XII–XIV vv.* Sankt-Peterburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta.

- Kudrova, I. (1987). Dom na gore: Marina TSvetaeva, 1923 god. *Zvezda*, 1987(8), 1–6. Retrieved May 20, 2016, from <http://www.tsvetaeva.narod.ru/WIN/kudrova/domnagore.html>
- Machek, V. (1971). *Etymologický slovník jazyka českého* [ESJČ]. Praha: Academia.
- Pushkareva, I. A. (1999). *Smyslovye leksicheskie paradigmy v lirike M. I. TSvetaevoi* (Summary of doctoral dissertation). Tomskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, Tomsk.
- Revzina, O. G. (1995). Marina TSvetaeva. In V. P. Grigor'ev & E. V. Krasil'nikova (Eds.), *Ocherki istorii russkoi poëzii XX veka: Opyty opisaniia idiosstilei* (pp. 305–362). Moskva: Nasledie.
- Sreznevskii, I. I. (1893–1912). *Materialy dlia slovaria drevnerusskogo iazyka po pis'mennym pamiatnikam* [SDRIA] (Vols. 1–3). Sanktpeterburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk.
- Toporov, V. N. (2004). *Issledovaniia po ètimologii i semantike: Vol. 1. Teoriia i nekotorye chastnye ee prilozheniia*. Moskva: IAzyki slavianskikh kul'tur.
- Trubachev, O. N., Zhuravlev, A. F., & Varbot, Z. Z. (Ed.). (1974–2018). *Ètimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov: Praslavianskii leksicheskii fond* [ÈSSIA] (Vols. 1–41). Moskva: Nauka.
- TSvetaeva, M. (1988). *Sochinenia: V dvukh tomakh* (Vol. 1). Moskva: Khudozhestvennaia literatura.
- Ushakov, D. N. (Ed.). (1935–1940). *Tolkovyĭ slovar' russkogo iazyka* [TSU] (Vols. 1–4). Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarëi.
- Zubova, L. V. (1989). *Poëziia Mariny TSvetaevoi: Lingvisticheskii aspekt*. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta.

Etymologisation in Marina Tsvetaeva's Idiostyle (Poems “My Shell”, “Minute”, “The Crevasse”)

Summary

This article considers etymologisation in lyrical works by Marina Tsvetaeva on the example of her three poems from 1923: “My Shell” (“Rakovina”), “Minute” (“Minuta”) and “The Crevasse” (“Rasshchelina”). In this case, etymologisation concerns first of all the words which appear as titles of these poems. The study analyses manifestations of etymologisation, namely various aspects of etymological regeneration of words and occurrences of their secondary motivation (poetic etymology) in relation to their aesthetic function in an artistic text. Etymological analysis in the stanzas under consideration is often based on reconstruction of language compliances both at the level of Proto-Slavic and Proto-Indo-European. This study of Tsvetaeva's etymologisation reveals her exceptional potential: her profound sense of language, her mysti-

cal penetration of its essential nature, and her intuitive comprehension of its historical developments and semantics.

Etymologizacja w idiostylu Mariny Cwietajewej – wiersze *Раковина* [Muszla], *Минута* [Minuta], *Расщелина* [Rozpadlina]

Streszczenie

Artykuł omawia etymologizację w twórczości lirycznej Mariny Cwietajewej na przykładzie trzech wierszy autorki z 1923 roku: *Раковина* [Muszla], *Минута* [Minuta], *Расщелина* [Rozpadlina]. Etymologizacja dotyczy w tym przypadku przede wszystkim słów, które pojawiają się jako tytuły tych utworów. Artykuł analizuje przejawy etymologizacji, czyli rozmaite aspekty reinterpretacji etymologicznej słów i występowanie motywacji wtórnych (etymologia poetycka) w relacji do ich funkcji estetycznej w tekście artystycznym. Analiza etymologiczna zawarta w strofach omawianych utworów często opiera się na rekonstrukcji zgodności języka z rzeczywistością na poziomie języka prasłowiańskiego i praindoeuropejskiego. Przedstawiona analiza etymologizacji Cwietajewej ujawnia niezwykły potencjał autorki: głębokie wycucie języka, zdolność do mistycznego przenikania jego niezmierzonej głębi i intuicyjne zrozumienie jego semantyki i historycznego rozwoju.

Keywords: artistic text; idiolect; etymological regeneration; poetic etymology

Słowa kluczowe: tekst artystyczny; idiolekt; reinterpretacja etymologiczna; etymologia poetycka

Tatjana Stoikova, Ventspils University of Applied Sciences, Ventspils

Correspondence: tatjanas@venta.lv

The preparation of this article was financed by the author.

Competing interests: The author declares that she has no competing interests.